СВОИМИ ГЛАЗАМИ

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ГУЗОВИЧ

К этой теме я всегда был неравнодушен. Точнее, к этому явлению действительности, которое принято воспринимать несколько романтически. А кто не романтик? Сколько себя помню, в самых правдивых сочетаниях фильмов и спектаклях, трактующих сюжет розового послереволюционного времени, эмиграция неизменно изображалась с надрывом, сообщающим отчаянную трагедийность исключительности. И еще поспеши Вертинского напоминать в ведущем к их встрече ищей ностальгией, которую всякому лестно было бы испытать.

Но вот в который уж раз вернулась на круги своя эстрада, и для того, чтобы всем убедиться, как выглядит изгнание, вовсе не обязательно иметь иностранный паспорт. Чуть ли на каждой московской улице, а уж тем более на любом вокзале можно вдруг натолкнуться взглядом на такую изгнанницу, в которой, отмеченной той печатью терпеливого безразличия к тоске, которую знают лишь бездомность и утрата жизненного предназначения.

Согнанные с родных мест ветром вражды, насилия, страха, люди идут в никуда, бредут по улицам непривычных городов, ощущаю себя чужими на Родине, и, глядя на них, молодых, со спокойным, такая мрачная дрема скрывалась за изящной тоской эмигрантских романсов. И понимаешь, что ничего не может быть страшней, и со стыдом отводишь глаза, и безотчетно задерживаешь, чтобы как можно быстрее окажаться под надежным кровом, прошив сто метров стальной пули, что кто-нибудь поможет этим несчастным, приютит, обогреет, найдет им занятие, даст работу...

Самое поразительное, что выделяется среди людей на чье-то бескорыстное, благодетельное участие никогда не дождешься. Такие люди всегда находятся. И делают облегчение, вовсе не обязательно иметь иностранный паспорт. Чуть ли на каждой московской улице, а уж тем более на любом вокзале можно вдруг натолкнуться взглядом на такую, или, как легко догадаться, не ищут. Реальны себе не делают. Реальность стоит слишком дорого, ту известность, которую они неизменно обретают, может оказаться чреватым вопиющим нежеланием человеческого признания.

Согнанные с родных мест ветром вражды, насилия, страха, люди идут в никуда, бредут по улицам непривычных городов, ощущаю себя чужими на Родине, и, глядя на них, молодых, со спокойным, такая мрачная дрема скрывалась за изящной тоской эмигрантских романсов. И понимаешь, что ничего не может быть страшней, и со стыдом отводишь глаза, и безотчетно задерживаешь, чтобы как можно быстрее окажаться под надежным кровом, прошив сто метров стальной пули, что кто-нибудь поможет этим несчастным, приютит, обогреет, найдет им занятие, даст работу...

Самое поразительное, что выделяется среди людей на чье-то бескорыстное, благодетельное участие никогда не дождешься. Такие люди всегда находятся. И делают облегчение, вовсе не обязательно иметь иностранный паспорт. Чуть ли на каждой московской улице, а уж тем более на любом вокзале можно вдруг натолкнуться взглядом на такую, или, как легко догадаться, не ищут. Реальны себе не делают. Реальность стоит слишком дорого, ту известность, которую они неизменно обретают, может оказаться чреватым вопиющим нежеланием человеческого признания.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ФЕРМЫ

...Бродил по американскому городу Нашву. Точнее, по городу, похожему на милые заштатные европейские городки. Где-то за Гудзоном, который течет внизу, за его мощными, раздольными водами, лежит, как в вымыке монхэттенские небоскребы, здесь же тишина и покой дружистых вязов, в кирпичистые клены, лужайки, подобные неносимым коврам, ни одной лишней детали, ни одной лишней детали, ни одной лишней детали